

Александра Кожухарь, НИУ ВШЭ
Рефлексивные и реципрокальные местоимения в мегебском языке

Резюме: Настоящая работа является описанием системы рефлексивных и реципрокальных местоимений мегебского языка, одного из языков даргинской группы, нахско-дагестанской языковой семьи. В работе обсуждается морфологическая структура и особенности употребления мегебских рефлексивных и реципрокальных местоимений.

Summary: Present work is the description of the Mehweb systems of reflexive and reciprocal pronouns. Mehweb is a language of the Dargi language group and Nakho-Dagestanian language family. In the paper the following aspects of the reflexive and reciprocal pronouns are discussed: morphology and syntax.

Ключевые слова: рефлексивное местоимение, рефлексив, реципрок, реципрокальное местоимения, даргинский язык, даргинский, мегебский язык, мегебский, дагестанские языки, нахско-дагестанская языковая семья

Keywords: reflexive pronouns, reflexives, reciprocal pronouns, intensifiers, Dargi language, Dargi, Mehweb language, Mehweb, Daghestanian languages, Nakho-Dagestanian languages

1. Введение

Мегебский язык – это одноаульный бесписьменный язык, принадлежащий нахско-дагестанской языковой семье, даргинской группе и насчитывающий примерно полторы тысячи носителей. Население Мегеба (Mehweb) в течение продолжительного периода времени существовало обособленно от других даргинских народов, окружённое преимущественно лакско- и авароговорящими сообществами, вследствие чего идиом аула в такой степени отличается от других языков даргинской группы, что некоторые исследователи склонны считать его отдельным языком (например, [Хайдаков 1985], [Коряков 2006]).

Важно подчеркнуть, что в настоящей работе вслед за [Коряков, Сумбатова 2007] более традиционное представление о

даргинских языках, как о диалектах одного языка, последовательно заменено идеей о том, что идиомы даргинской группы по причине их сильного расхождения являются отдельными языками.

На сегодняшний день перспективы сохранения и передачи мегебского языка не вызывают оптимизма, поэтому возникает необходимость наискорейшего фиксирования его типологических особенностей.

Цель настоящей работы – описать систему возвратных и реципрокальных местоимений в мегебском языке и сравнить её с системами литературного даргинского языка, а также ицаринского и кайтагского диалектов. Описательные грамматики более ранних периодов ([Хайдаков 1985], [Магомедов 1982]) обходят стороной указанные выше системы местоимений, несмотря на их очевидное несоответствие системам других идиомов.

Для достижения поставленной цели был выдвинут ряд следующих задач:

- а. Составление полной парадигмы рефлексивных местоимений;
- б. Изучение сопредикатной и дистантной позиций рефлексивизации;
- с. Определение степени грамматикализации реципрокального местоимения.

При написании настоящей статьи использовался в основном языковой материал, собранный в лингвистической экспедиции в аул Мегеб в мае 2013 года под руководством Д.С. Ганенкова, М.А. Даниэля и Н.Р. Дорбрушиной.¹

2. Явление рефлексивизации

Рефлексивные, или возвратные, местоимения прототипически используются для указания на кореферентность несубъектного аргумента глагола реальному субъекту [König, Siemund 2005], например, литературное даргинское *сари* и *саби* [Абдуллаев 1967: 509-510].

Согласно [Тестелец, Толдова 1998: 35] рефлексивами называются местоимения, которые «могут употребляться анафорически и хотя бы в части употреблений требуют

¹ Исследование поддержано грантом 13-05-0007 программы НИУ-ВШЭ "Научный фонд" по теме "Исследование дагестанских языков корпусными и социолингвистическими методами".

обязательного наличия антецедента, во-первых, грамматически приоритетного (например, подлежащего), и, во-вторых, находящегося в составе той же синтаксической единицы (например, предложения), в которую входит само местоимение».

3. Морфологическая структура рефлексивов в мегебском языке

Дагестанские языки, мегебский в том числе, характеризуются наличием морфологически сложных и морфологически простых рефлексивов. Морфологически **простой рефлексив** состоит из местоименной основы и классного показателя (мегебск. *sawi* и *sabi*), тогда как морфологически **сложный** образуется путём присоединения к простому рефлексиву особой частицы (*-al*), которая в других контекстах имеет выделительное значение. Мегебский не располагает данными, чтобы утверждать, что присоединяемая частица имеет подобное значение, тем не менее, в рамках настоящей работы было решено определить её как эмфатическую. Примеры (1) и (2) иллюстрируют использование простых и сложных рефлексивов на материале мегебского языка:

(1) *rasuj-ni sa<w>i-jal w-it-ib*
 расул-ERG сам<М>-EMPH М-бить.PFV-AOR
 Расул себя побил.

(2) *rasuj-s dig-uwe le-w adaj-ze sa<w>i*
 расул-DAT хотеть-CVB AUX-M отец-INTER сам<М>
daħmic 'aj-ħe-w g^w-es
 зеркало-IN-M(ESS) видеть-INF
 Расул хочет, чтобы отец его в зеркале увидел.

Языки мира условно делятся на два типа: формально различающие и формально не различающие рефлексивы и **интенсификаторы**, выделительные местоименные слова со значением ‘Х сам’. Мегебский язык (*sawijal*), как и английский (*x-self*), относится ко второму типу, поскольку рефлексивы и интенсификаторы являются частями одной парадигмы, тогда как, например, русский относится к первому типу (‘себя’ – рефлексив, ‘сам’ – интенсификатор). Языки первого типа характеризуются наличием **двойной рефлексивизации**, то есть «для усиления

значения рефлексива используется интенсификатор» [König, Siemund 2005], например, ‘сам себя’ в русском; в языках второго типа двойная рефлексивизация невозможна. Тем не менее, в независимости от того, что мегебский принадлежит второму типу, в нём возможна двойная рефлексивизация:

(3) <i>it-i-ze</i>	<i>sune-jni-jal</i>	<i>sa<w>i-jal</i>
ТОТ-OBL-INTER	сам.OBL-ERG-EMPH	сам<M>-EMPH
<i>daħmic 'aj-ħe-w</i>	<i>gu-b</i>	
зеркало-IN-M(ESS)	видеть.PFV-AOR	
Он сам себя в зеркале увидел.		

В (3) двойной рефлексив образован путём объединения морфологически сложного рефлексива в эргативе (*sunejni-jal*), который может выступать как интенсификатор, так и рефлексив, с морфологически сложным рефлексивом в номинативе (*sawijal*). Первая часть двойного рефлексива оформляется эргативом и в том случае, когда вторая часть оформлена косвенным падежом:

(4) <i>ʔali</i>	<i>guħak-ib</i>	<i>sune-jni-jal</i>
али.NOM	показать.PFV-AOR	сам.OBL-ERG-EMPH
<i>sune-če-l</i>		
сам.OBL-SUP-EMPH(LAT)		
Али сам на себя показал.		

Возвратные местоимения литературного даргинского [Услар 1892: 55], а также кайтагского [Темирбулатова 2004: 136] и ицаринского [Sumbatova, Mulatov 2003] диалектов употребляются только в 3-м лице. Тем не менее, в [Услар 1892: 56] приводится полная парадигма интенсификаторов, которая по своему строению напоминает парадигму мегебских рефлексивов (см. Таблицу 1). В отличие от интенсификаторов литературного даргинского языка, мегебские могут быть использованы в собственно рефлексивном значении, что позволяет утверждать, что рефлексивные местоимения изменяются не только по падежу, но также по лицу и числу.

	<i>NOM</i>		<i>ERG</i>	<i>DAT</i>	<i>GEN</i>
<i>1Sg</i>	nu-wal		nu-ni-jal	nab-al	di-la-l
<i>2Sg</i>	ħu-wal		ħu-ni-jal	ħad-al	ħu-la-l
<i>3Sg</i>	<i>M</i>	sa<w>i-jal	sune-jni-jal	sune-s-al	sune-l-al
	<i>F/FI</i>	sa<r>i-jal			
	<i>N</i>	sai-jal			
<i>1Pl</i>	nuša-l		nuša-jni-jal	nušab-al	nuša-la-l
<i>2Pl</i>	ħuša-l		ħuša-jni-jal	ħušab-al	ħuša-la-l
<i>3Pl</i>	<i>Hum</i>	sai-jal	ču-ni-jal	ču-s-al	ču-la-l
	<i>Non</i>	sa<r>i-jal			
	<i>SUP-LAT</i>		<i>INTER-LAT</i>		<i>COMIT</i>
<i>1Sg</i>	di-če-l		di-ze-l		di-ču-wal
<i>2Sg</i>	ħa-če-l		ħa-ze-l		ħa-ču-wal
<i>3Sg</i>	sune-če-l		sune-ze-l		sune-ču-wal
<i>1Pl</i>	nuša-če-l		nuša-ze-l		nuša-ču-wal
<i>2Pl</i>	ħuša-če-l		ħuša-ze-l		ħusa-ču-wal
<i>3Pl</i>	ču-če-l		ču-ze-l		ču-ču-wal
	<i>SUP-ESS</i>		<i>AD-ESS</i>		
<i>1Sg</i>	di-če-wal		di-š:u-wal		
<i>2Sg</i>	ħa-če-wal		ħa-š:u-wal		
<i>3Sg</i>	sune-če-wal		sune-š:u-wal		
<i>1Pl</i>	nuša-če-wal		nuša-š:u-wal		
<i>2Pl</i>	ħusa-če-wal		ħusa-š:u-wal		
<i>3Pl</i>	<i>Hum</i>	ču-če-b-al	ču-š:u-b-al		
	<i>Num</i>	ču-če-r-al	ču-š:u-r-al		

Таблица 1. Парадигма сложных рефлексивов в мегебском языке

Согласно замечанию А.А. Магомедова [Магомедов 1963: 144-145], мегебские рефлексивные местоимения различаются по классам, а во множественном числе 3-го лица в косвенных падежах имеют супплетивную основу *ču*. Дополнительно, мегебский рефлексив различает две основы в третьем лице единственном числе: *sa* – в номинативе и *sune* – в косвенных падежах. Различие по грамматическим классам заметно в форме абсолютива 3-го лица единственного числа *sawijal*, *sarijal* и *sabijal* и множественного числа *sarijal* и *sabijal*, где к основе местоимения присоединяется классный показатель, который выражает согласование с антецедентом.

Примечательно также, что местоимение 1-го лица единственного числа имеет три супплетивных основы – *ni*, *nab*, *di*, последняя из которых свойственна большинству языков даргинской группы и употребляется во всех косвенных падежах, кроме дательного в мегебском, где в этой форме используется основа *nab*.

Каждая из форм содержит эмфатический показатель *-al* (*-l*), который встречается также у простых и сложных количественных числительных [Магомедов 1982: 58-60]. Если эмфатический показатель присоединяется к основе, оканчивающейся на гласный, то между основой и суффиксом *-al*, т.е. в интервокальной позиции, появляется эпентетический *-j-*. В случае, если эпентезе предшествует огубленный гласный, то на месте *-j-* будет *-w-*, как в формах абсолютива 1-го и 2-го лица единственного числа, комитатива и эссивов.

В целом, парадигма простых рефлексивов подобна парадигме сложных за исключением эмфатического показателя и тех морфонологических явлений, которые имеют место при его присоединении к основе (см. Таблицу 2).

	<i>NOM</i>		<i>ERG</i>	<i>DAT</i>	<i>GEN</i>	<i>SUP-LAT</i>
<i>1Sg</i>	nu		nu-ni	nab	di-la	di-če
<i>2Sg</i>	ħu		ħu-ni	ħad	ħu-la	ħa-če
<i>3Sg</i>	<i>M</i>	sa<w>i	sune-jni	sune-s	sune-la	sune-če
	<i>F/Fl</i>	sa<r>i				
	<i>N</i>	sai				
<i>1Pl</i>	nuša		nuša-jni	nušab	nuša-la	nuša-če
<i>2Pl</i>	ħuša		ħuša-jni	ħušab	ħuša-la	ħuša-če
<i>3Pl</i>	<i>Hum</i>	sai	ču-jni	ču-s	ču-la	ču-če
	<i>Non</i>	sa<r>i				
	<i>INTER-LAT</i>	<i>COMIT</i>	<i>SUP-ESS</i>		<i>AD-ESS</i>	
<i>1Sg</i>	di-ze	di-ču	di-če		di-š:u	
<i>2Sg</i>	ħa-ze	ħa-ču	ħa-če		ħa-š:u	
<i>3Sg</i>	sune-ze	sune-ču	sune-če		sune-š:u	
<i>1Pl</i>	nuša-ze	nuša-ču	nuša-če		nuša-š:u	
<i>2Pl</i>	ħuša-ze	ħusa-ču	ħuša-če		ħuša-š:u	
<i>3Pl</i>	ču-ze	*ču-ču	<i>Hum</i>	ču-če-b	ču-š:u-b	
			<i>Non</i>	ču-če-r	ču-š:u-r	

Таблица 2. Парадигма простых рефлексивов в мегебском языке

4. Сопредикатная позиция рефлексивизации

Как и в других языках мира, в мегебском в сопредикатной позиции, т.е. в составе одной клаузы, используются морфологически сложные рефлексивы (1). Сопредикатная позиция допускает также употребление двойной рефлексивизации (3). Допустимость использования рефлексивов без эмфатического показателя в сопредикатной позиции находится под вопросом, т.к. часть информантов отметила предложения без суффикса *-al*, как ошибочные, тогда как другая, наоборот, подтвердила их полную грамматичность.

4.1. Тест на грамматический приоритет

Примечательно, что для носителей мегебского языка грамматичным является такое предложение, в котором агенс выражен рефлексивным местоимением, а пациенс – его антецедентом (ба). Строго говоря, такая модель рефлексифизации – это отличительная черта дагестанских языков [Лютикова 2001], [Толдова 1999]. На русский эти предложения могут быть дословно переведены, как ‘сам совершил действие над X-ом’:

- (5) a. *rasul* *sune-jni-jal* *w-it-ib*
расул.NOM сам.OBL-ERG-EMPH М-бить.PFV-AOR
- b. *rasu-jni* *sa<w>i-jal* *w-it-ib*
расул-ERG сам<М>-EMPH М-быть.PFV-AOR
- c. *rasu-jni* *sune-jni-jal* *sa<w>i-jal*
расул-ERG сам.OBL-ERG-EMPH сам<М>-EMPH
w-it-ib
М-бить.PFV-AOR
- d. * *rasul* *sune-jni-jal* *sa<w>i-jal*
* расул.NOM сам.OBL-ERG-EMPH сам<М>-EMPH
w-it-ib
М-бить.PFV-AOR
Расул (сам) себя побил.

Более того, возможность такого падежного маркирования, как в (5a) нарушает один из принципов теории связывания,

грамматическую приоритетность антецедента, что свидетельствует о том, что (а) в мегебском языке отсутствует асимметрия между актантами глагола; (b) анафорические отношения в мегебском контролируются не синтаксическими факторами [Руднев 2011].

В (5b) представлен случай кореференции, поскольку в случае замены антецедентной именной группы кванторной, предложение становится неграмматичным.

В (5d) представлен случай связывания, не нарушающий принцип теории связывания, т.к. традиционное представление об отношениях «антецедент – местоимение» нарушаются.

4.2. Эмфатические значения

В отличие от цахурского [Кибрик, Тестелец 1999] языка, мегебский не различает таких эмфатических значений, как добавляющее, контрастивное, самостоятельное, неожиданное и дискурсивное. Каждое из этих значений оформляется интенсификатором, форма которого выбирается в зависимости от переходности предиката. При переходном глаголе используется форма эргатива, например *sunejnijal*, при непереходном – абсолютива, например, одна из трёх форм абсолютива для 3-го лица единственного числа:

- (6) *patimat-ini* *sune-jni-jal* *ħanči*
патимат-ERG сам.OBL-ERG-EMPH работа.NOM
b-iq'-an
N-делать.IPFV-PRS
Патимат сама работу делала.

- (7) *patimat* *sa<r>i-jal* *šin-če* *d-aq'-un*
патимат.NOM сам<F>-EMPH вода-SUP(LAT) F-идти.PFV-AOR
Патимат сама за водой пошла.

5. Дистантная позиция рефлексивизации

В дистантной позиции в собственно рефлексивном значении сложный рефлексив не используется, если местоимение кореферентно любому актанту главной предикации:

- (8) * *rasuj-s* *dig-uwe* *le-w* *adaj-ze*
* расул-DAT хотеть-CVB AUX-M отец-IN(LAT)

sa<w>i-jal *daħmic'aj-ħe-w* *g^w-es*
сам<М>-ЕМРН зеркало-IN-M(ESS) видеть-INF
Расул хочет, чтобы отец его в зеркале увидел.

В случае, когда в зависимой клаузе употребляется двойной или сложный рефлексив, справедливо утверждать, что его антецедент является актантом непосредственно зависимой клаузы:

(9) *rasuj-s* *dig-uwe* *le-w* *adaj-ze*
расул-DAT хотеть-CVB AUX-M отец-IN(LAT)
sa<w>i *daħmic'aj-ħe-w* *g^w-es*
сам<М> зеркало-IN-M(ESS) видеть-INF
Расул хочет, чтобы отец его в зеркале увидел.

(10) *rasuj-s* *dig-uwe* *le-w* *adaj-ze*
расул-DAT любить-CVB AUX-M отец-IN(LAT)
sune-ze-l *sa<w>i-jal* *daħmic'aj-ħe-w*
сам.OBL-IN-ЕМРН(LAT) сам<М>-ЕМРН зеркало-IN-M(ESS)
g^wu-es
видеть-INF
Расул хочет, чтобы отец сам себя в зеркале увидел.

Использование двойного рефлексива в дистантной позиции недопустимо в мегебском языке.

5.1. Логофоричность

В местоименных системах ряда языков мира «фокус эмпатии» [Купо 1987], т.е. позиция того участника ситуации, от лица которого ведётся повествование, кодируется по средствам логофорических местоимений. Некоторым языкам характерно использовать в функции этих местоимений дистантные рефлексивы.

В русском языке, нечувствительном к противопоставлению логофорических местоимений, высказывание вида «отец сказал, что он поедет в Москву» допускает две трактовки. То есть нафорическое местоимение зависимой клаузы может быть как кореферентно субъекту матричной клаузы, т.е. отцу, так и относиться к некоторому третьему объекту ситуации, т.е. не к говорящему и не к отцу. В рамках настоящей работы необходимо

было определить, является ли «фокус эмпатии» решающим фактором, «регулирующим употребление дистантных рефлексивов» [Руднев 2010: 271] в мегебском языке.

В даргинских языках сентенциальный актант глаголов говорения является финитной клаузой, благодаря чему контексты с глаголом «говорить» допустимы для проверки рефлексивных местоимений на логофоричность:

- (11) *adaj-ni* *ib* *nu*
 father-ERG say.AOR 1SG.NOM
ramil *w-iq'-i-ra*
 wrong M-make.IPFV-IPF-1/2
 а. Отец сказал, что я (говорящий) совершаю ошибку.
 б. Отец сказал, что он (отец) совершает ошибку.

- (12) *adaj-ni* *ib* *nu* *ramil* *d-iq'-i-ra*
 father-ERG say.AOR 1SG.NOM wrong F-make.IPFV-IPF-1/2
 Отец сказал, что я (говорящая) совершаю ошибку.

- (13) *adaj-ni* *ib* *it* *ramil* *w-iq'-ile*
 father-ERG say.AOR this.NOM wrong M-make.IPFV-CVB
le-w
 AUX-M
 Отец сказал, что он (третий) совершает ошибку.

- (14) а. * *adaj-ni* *ib* *sune-jni* *ramil*
 * father-ERG say.AOR сам.OBL-ERG wrong
w-iq'-i-ra
 M-make.IPFV-IPF-1/2
 б. * *adaj-ni* *ib* *sune-jni-jal* *ramil*
 * father-ERG say.AOR сам.OBL-ERG-EMPH wrong
w-iq'-i-ra
 M-make.IPFV-IPF-1/2
 Отец сказал, что он ошибку совершил.

Пример (11) наглядно демонстрирует, что мегебский, равно как и аварский [Руднев 2010: 273], нечувствителен к фактору эмпатии при употреблении дистантных рефлексивов. В отличие от русского языка неоднозначность в мегебском возникает в 1-ом лице единственного числа, а не в 3-ем. В случае с примером (12)

разрешается неоднозначность, возникающая в w-классе, то есть классе объектов мужского рода, благодаря классному показателю *d-*, присоединяющемуся к глагольной словоформе префиксально. Пример (14) показывают, что использование морфологически сложных и простых рефлексивов недопустимо в финитной клаузе, а следовательно, аналога косвенной речи в мегебском языке нет.

6. Биноминативная конструкция

Конструкция с двумя актантами, маркируемыми номинативом, т.е. биноминативная, допустима в мегебском языке (13b). Примером такой конструкции является простое предложение, содержащее аналитическую форму переходного глагола, например, форма настоящего времени в мегебском, состоящая из причастия и копулы:

(13) a. *rasu-jni* *kung* *luč'-uwe* *le-b*
 расул-ERG книга.NOM читать.IPFV-CVB AUX-N

b. *rasul* [*kung* *luč'-uwe*]
 расул.NOM книга.NOM читать.PFV-CVB
*le-b / le-w / *le-r*
 AUX-N / AUX-M / *AUX-F
 Расул читает книгу.

В (13b) в пользу биклаузальности говорит наличие двух немаркированных актантов и возможность согласования на копуле не только по пацентивному участнику ситуации (по книге), но и по агентивному, т.е. по Расулу. Такое согласование указывает на то, что предложение состоит из двух клауз, где матричной является *rasul lew*, а зависимой *kung lučuwe*. В качестве проверки на биклаузальность выступает также конструкция с рефлексивным местоимением, находящимся в зависимой клаузе.

(14) a. *rasul* [*sune-l-al* *kung*]
 расул.NOM сам.OBL-GEN-EMPH книга.NOM
luč'-uwe *le-w / le-w*
 читать.IPFV- CVB AUX-M / AUX-M
 b. * *rasu-jni* *sa-wi-jal* *kung*

* расул-ERG сам<M>-EMPH книга.NOM
luč-uwe *le-b / le-w*
 читать.IPFV-CVB AUX-N / AUX-M
 с. * *rasul* *sune-la* *kung* *luč'-uwe*
 * расул.NOM сам.OBL-GEN книга.NOM читать.IPFV-CVB
le-w / le-b
 AUX-M / AUX-M
 Расул свою книгу читает.

Дополнительным аргументом в пользу биклаузальности является использование в морфологически простого рефлексива в «зависимой клаузе» биноминативной конструкции. Тем не менее, пример (9с) наглядно демонстрирует запрет на использование морфологически простого рефлексива в дистантной позиции. При соблюдении двух упомянутых ранее параметров (немаркированность обоих участников ситуации, возможность согласования по субъекту и объекту) форма рефлексивного местоимения не меняется, что говорит против биклаузальности в мегебском. Таким образом, справедливо утверждать, что биклаузальность мегебского языка нельзя назвать биклаузальностью в чистом виде.

7. Реципрокальные местоимения

Реципрок – термин, определяющий ситуацию взаимных отношений её участников, при которых каждый из актантов является и агенсом, и пациенсом одновременно. Большинство языков мира демонстрируют тенденцию к выражению реципрокального и рефлексивного значений с помощью набора сходных средств [Maslova, Nedjalkov 2005].

В мегебском не наблюдается полисемии рефлексивных и реципрокальных местоимений. Для выражения значения обоюдности мегебский язык использует составное местоимение, состоящее из повторяющегося количественного числительного «один» – *ca*:

- (19) *iti-li-ze* *ca-li-ze-ca* *gu-b*
 тот.PL-OBL-IN один-OBL-INTER-один видеть.PFV-HPL
 Они друг друга увидели.
- (20) *iti-li-ni* *ca-li-n-ca* *dam*
 тот.PL-OBL-ERG один-OBL-ERG-один.NOM вред.NOM

b-aq'-ib

N-делать.PFV-AOR

Они друг друга побили.

(21) *iti-li-ni*

тот.PL-OBL-ERG

podarki

подарок.PL(NOM)

Они друг другу подарки дарят.

ca-li-n-ca-li-s

один-OBL-ERG-один-OBL-DAT

d-iq'-an

NPL-делать.IPFV-PRS

Форма реципрокального местоимения зависит от переходности предиката. В клаузе с переходным глаголом первое числительное в составе местоимения принимает форму эргатива, т.е. агенс формально выражен первым местоимением, тогда как пациенс выражен вторым местоимением, (20) и (21). В клаузе с непереходным предикатом, в качестве агентивного актанта выступает второе, немаркированное, числительное в составе реципрокального местоимения, тогда как первое – в качестве пациентивного актанта.

Составные части местоимения могут быть разделены только наречием-последелогом. Это значит, что составной показатель реципрока находится в процессе грамматикализации и может в дальнейшем трансформироваться в неделимую словоформу:

(20) а. *iti*

тот.PL(NOM)

dučrq-uwe

смеяться.IPFV-CVB

ca-li-če-ca

один-OBL-SUP-один

le-b

AUX-HPL

aqu-b

над-HPL

б. *iti*

тот.PL(NOM)

dučrq-uwe

смеяться.IPFV-CVB

ca-li-če

один-OBL-SUP

le-b

AUX-HPL

aqu-b

над-HPL

ca

один.NOM

Они друг над другом смеются.

В [Услар 1892: 206] указывается, что «взаимный залог» в даргинском выражается с помощью числительного ‘один’, но в отличие от мегебского, в даргинском две части составного местоимения обладают значительно большей автономностью.

7. Заключение

На базе собранного языкового материала, вслед за работой [Тестелец, Толдова 1998], в настоящей работе предпринимается попытка распределения форм рефлексивов в зависимости от позиции в предложении (см. Схему 1).

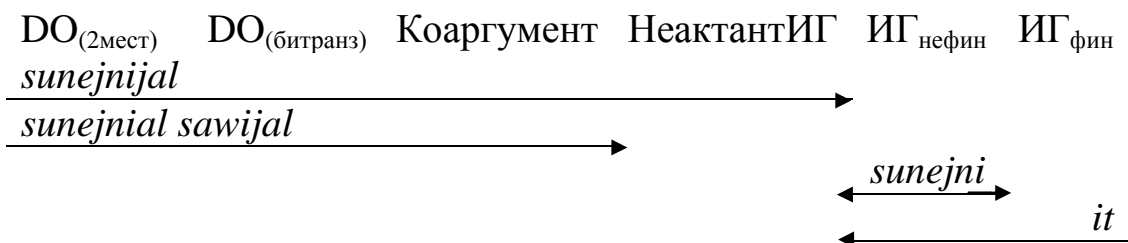

Схема 1. Позиция рефлексивного местоимения в предложении в зависимости от его формы на материале мегебского языка

Библиография

- Абдуллаев З.Г. Языки народов СССР. М., 1967, Т.4.
Кибрик А.К. Тестелец (ред.), Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.
Коряков Ю. Б. Атлас кавказских языков. М., 2006.
Коряков Ю. Б. Сумбатова Н. Р. Даргинские языки // Большая российская энциклопедия. М., 2007, Т. 7.
Лютикова Е.А. Анафорические средства // А.Е. Кибрик (ред.) Балвалинский язык: грамматика, тексты, словари. М., 2001, С. 615-681
Магометов А.А. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963.
Магометов А.А. Мегебский диалект даргинского языка. Тбилиси, 1982.
Руднев П.В. Рефлексивы в дагестанских языках и природа анафорических отношений. // Казанский Н.Н. (ред.), Acta linguistica petropolitana, Санкт-Петербург, 2011, Т. VII, С. 184-188.
Руднев П.В. Эмпатия, логофоричность и семантика дистантной рефлексивизации. // Материалы конференции «Ломоносов 2010». М., 2010. С. 271-274.
Темирбулатова С.М. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала, 2004.
Тестелец Я.Г., Толдова С.Ю. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива. // Вопросы языкознания. 1998. №4. С. 35-57.

Толдова С.Ю. Местоименные средства поддержания референции.
// А.Е. Кибрик, Я.Г. Тестелец (ред.) Элементы цахурского языка в
типологическом освещении. М., 1999, С. 629-674.

Услар П.К. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892.

Хайдаков С.М. Даргинский и мегебский языки: Принципы
словоизменения. М., 1985.

König E., Siemund P. Intensifiers and Reflexive Pronouns, 2005.
URL: <http://wals.info/chapter/47>.

Kuno S. Functional Syntax: Anaphora, Discourse, and Empathy.
Chicago, 1987.

Maslova E., Nedjalkov V.P. Reciprocal Constructions, 2005. URL:
<http://wals.info/chapter/106>.

Sumbatova N.R., Mulatov R.O. A grammar of Icarí Dargwa.
Newcastle, 2003.